Наш календарь

Неповторимый Маяковский

изд. Москва - 1993 - 840 стр. - с. 7.

Автор воспоминаний — талантливый хореограф и режиссер, заслуженный деятель искусств РФ Галина Александровна Шаховская долгие годы работала в кинематографе и театре. Она участвовала в создании известных фильмов Гр. Александрова и много лет возглавляла балет Московского театра оперетты.

В 1926 году в Москве открылась выставка молодых одаренных художников: Вильямса, Гончарова, Дэйнеки, Пименова, Тышлера. Эти художники были с нами дружны, и мы с сестрой, получив приглашение, пошли на открытие. Маяковский тоже был на вернисаже.

В те годы моя сестра Наталия Глан, несмотря на молодость, была уже известным, самобытным московским балетмейстером, успешно работала в театрах Таирова, Мейерхольда, Немировича-Данченко, а также создала самостоятельную хореографическую студию. Кинофильм «Мисс Менд», где она играла главную роль, создал ей большую популярность, которая, впрочем, для не-

была совершенно безразлична.

На упомянутой выставке картин сестра привлекла внимание Маяковского. Это было неудивительно: Наташа всегда выделялась среди других не только прекрасной внешностью, но и одухотворенным, покоряющим всех обаянием женственности.

Маяковский в суеде выставки не успел с ней познакомиться, но поспешил узнать у друзей ее имя и адрес. Жили мы тогда в Глинищевском переулке, ныне улица Немировича-Данченко. Напротив нашего дома помещалось кафе Филиппова с высокими окнами до полу, которые сохранились и сейчас.

На следующий день после посещения выставки Владимир Владимирович занял в этом кафе место за столиком у самого окна с видом на нашу подворотню. Много часов прошло в ожидании, прежде чем Наташа вышла из дому. Было жаркое лето, окна кафе были открыты и, увидев мою сестру в переулке, громадный поэт прямо из окна вышагнул к ней навстречу со словами: «Давайте знакомиться. Я — Маяковский». Протянул большую руку, загородив сестре дорогу. Она растерялась, но знакомство состоялось. Узнав, что сестра идет в Столешников переулок покупать маме сдобную булочку, Владимир Владимирович сказал: «Ну что ж, будем вместе покупать маме булочку». В кондитерской он вынул рубль, желая уплатить, но тут сестра рассердилась не на шутку и рассчиталась сама. Поэт все же вложил свой рубль в ее ладонь, добавив: «В таком случае засушите его на память о встрече с Маяковским».

С тех пор Владимир Владимирович стал бывать у нас в доме и вскоре подружился с Борисом Барнетом, в те годы начинающим кинорежиссером, мужем моей сестры.

Как-то вечером Наталочка, я, Маяковский и Барнет пошли в популярный кинотеатр «Малая Дмитровка-6» (в этом помещении теперь находится театр «Ленком»). В тот день шла премьера детективного фильма. Народу собралась уйма. У входа в кино обычно располагались продавщицы с лотками кондитерских изделий. Чего только у этих «моссельпромищиц» не было! Шоколад, пастила, конфеты, мармелад, вафли, печенье и многое другое. Желая быть подчеркнуто галантным кавалером в присутствии Маяковского, Барнет купил Наташе плитку шоколада «Золотой ярлык». Владимир Владимирович тут же скупил у изумленной продавщицы все содержимое ее лотка и преподнес мне все до последней шоколадки. В окружавшей нас публике наступило оживление. Люди шумно и весело реагировали, глядя на громадную фигуру знаменитого поэта в паре со мной, растерянной молоденькой девчонкой, не привыкшей к подобному проявлению галантности. Я от смущения еле сдерживала слезы, а Маяковский, невозмутимо помогая мне нести его щедрые дары, мимоходом победоносно взглянул на Барнета и ладнокровно вошел в зрительный зал. Борис был подавлен. Наташа смеялась...

В период нэпа часть интеллигенции, желая подработать, согреться и поесть фруктов, переселялась с севера в теплый Крым. На юге стали возникать частные пансионы, а попросту говоря, сдача комнат приезжим отдыхающим с трехразовым питанием. Жизнь в Евпатории была значительно дешевле по сравнению с Ялтой. Это обстоятельство привлекло отдыхающих, среди которых в большинстве оказались актеры, художники, поэты и студийная молодежь. Мы с сестрой тоже надумали съездить туда, угостив и нашу маму. Нам повезло. Считалось большой удачей поселиться в пансионе «Вилла Роз». Мы устроились на этой старой скромной даче, носившей романтическое название, видимо, для привлечения внимания курортников.

Вокруг царил атмосфера доброты и духовности. Это была не дача, а приют искусств. В те годы телевизор не был еще изобретен, и в свободные вечера люди не сидели спинами друг к другу у голубых экранов, а душевно, доверчиво и радостно общались...

Неожиданно Евпатория запестрела афишами, извещающими о том, что в курзале состоятся выступления легендарного поэта Владимира Маяковского. Все спешили запастись билетами. Кругом говорили только о приезде знаменитости, с нетерпением ожидая его выступлений.

Для своих вечеров Маяковский требовал, чтобы обязательно ставили на эстраду высокую венскую вешалку, стол с графином воды и стакан.

Поэт шел широким медленным шагом; не спеша направлялся к вешалке, ставил трость, снимал кепку и пиджак. Оставшись обычно в голубой рубашке, он наливал полный стакан воды и, не обращая ни на кого внимания, начинал пить, а публика громко возмущалась странным поведением поэта. В зрительном зале поднимался шум, раздавались топот, крики, но он не сразу начинал...

Его часто спрашивали: зачем он всякий раз в начале вечера вызывает такую недоброжелательную реакцию зрительного зала? На что поэт отвечал не без иронии: «Для того, чтобы про-

будить у зрителей их дремлющие способности к активному мышлению, без которого немислимо воспринять и тем более понять мою поэзию».

Маяковский не терпел на своих вечерах пассивных, невнимательных, безразличных слушателей. Он стремился взорвать, расшевелить аудиторию, желая этим вызвать в ней взволнованную, обостренную реакцию. И это ему всегда удавалось, неповторимо мужественным чтением своих стихов он всех побеждал, полностью завладевая вниманием людей. Возмущение и реплики стихали.

Вечера неизменно заканчивались бурными овациями взволнованных и благодарных слушателей, долго не отпускаящих великого поэта.

В свободные от выступлений дни Владимир Владимирович появлялся у нас на «Вилле Роз» повидать друзей и знакомых. Все кругом затаили, но внимание, слух и зрение каждого были напряжены до предела в стремлении запечатлеть образ поэта, не пропустить ни единого слова, движения, жеста.

Все жаждали познать тайну щедрой природы, создавшей этого громадного, неповторимо загадочного человека, всегда и во всем отличного от всех.

Поговаривали, что, даже останавливаясь в гостиничных номерах «люкс», Маяковский никогда не пользовался ванной, хотя был необычайно чистоплотен. Будучи брезглив и мнителен, он всегда возил с собой резиновую низенькую круглую складную ванну, огорчая всякий раз своим недоверием администрацию.

Обычно на людях Владимир Владимирович как бы незначайно произносил своим низким голосом остроумнейшие реплики. Окружающие старались ответить ему в тон, но обычно это звучало робко, бездарно, а порой и невопад...

Как-то при виде Маяковского моя мама вспомнила и поспешила ему сообщить, что в свое время, посетив в молодости его выступление, была очень удивлена, увидев у него в петлице вместо хризантемы деревянную ложку! Владимир Владимирович несколько помрачнел и поспешил заявить, что он относит многие подобные неопытности к ошибкам молодости, и тут же сменил тему разговора.

В одном из выступлений Владимир Владимирович читал недавно написанное им посвящение Евпатории. Неожиданно забыв, он прервался, но все мы, обитатели «Виллы Роз», зная наизусть стихи, рдовившиеся на наших глазах, хором из зрительного зала продолжали чтение до тех пор, пока со сцены нас не подхватил голос самого Мэтра. В благодарность за вырчку Маяковский решил всех нас угостить в городском «Духане». Для этой цели его администратор нанял «шикарный» экипаж с полосатым тентом, и поэт пригласил девушек занять места рядом с ним. Но снова робость в общении с ним охватила всех, и в результате Владимир Владимирович медленно и царственно ехал один в экипаже, запряженном двумя лошадьми, а мы благоговейно и торжественно шли за ним, напоминая своим шествием крестный ход. Изнеженные красавицы тоже мужественно шли пешком на своих высоких каблучках.

Наконец шествие достигло городского «Духана». Его хозяин получил приказ Маяковского немедленно освободить помещение от посетителей, закрыть все ставни, привезти на грузовике пианино, составить столы, накрыть свежими скатертями, расставить графины с крымским вином, подносить с фруктами, кувшинами с цветами, открыть двери в сад, зажечь свечи и подать дымящиеся шашлыки и чебуреки. Все было выполнено мгновенно!

И так началось длившееся до рассвета «пиршество богов». Маяковский читал свои стихи, не признавая расправности и сантиментов, горячо, мужественно, вдохновенно. Без устали звучал его незабываемый голос, подобный набату, призывавшему людей к свершениям, сурово, победно и неповторимо прекрасно!

Этот волнующий вечер всем хотелось открыть свою душу, радость, искусство и творчество. Звучали арии, рассказы. На бумажных салфетках художники рисовали портреты. И снова вступал Маяковский, и снова все умолкало, слушая его как завожженные.

На веранде татары официанты, сидя на корточках, не отрывая глаз, смотрели на великого поэта.

Свечи догорели. Стало светать. Настала пора уходить. Все умолкло, только в саду продолжалась переключка светлячков-цикад.

Добрая судьба щедро одарила нас неизяснимой радостью в эту незабываемую ночь...

Теперь я живу вблизи площади, до недавнего времени носившей имя Владимира Маяковского. Всякий раз, проходя по ней, я невольно в волнении замедляю шаг при виде возвышающейся в самом ее центре огромной бронзовой скульптуры, воздвигнутой во славу неповторимого поэта.

Галина ШАХОВСКАЯ.